

РАЗВИТИЕ ЧАСТНОЙ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ СИБИРИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ II ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

В.А. Волчек

Созданному в 1852 г. второму Сибирскому комитету, призванному решать основные вопросы по управлению Сибирью, пришлось взвалить на свои плечи комплекс проблем по руководству всеми сторонами жизнедеятельности обширного края в смысле координации деятельности центральных и региональных органов. Указ от 17 апреля «Об учреждении Сибирского Комитета» лишь в общих чертах определил задачи управления, порядок прохождения дел, место нового органа в системе государственной власти империей. 22 ноября Комитет принял Проект общего плана работ, утвержденный императором Николаем I, 28 числа этого же месяца. К нему был приложен конкретный план деятельности данного органа, включающий такие разделы: «О разделении Сибири», «Об управлении Сибирью», «Об устройстве состояний», «О народном образовании в Сибири», «О судебной части», «Об устройстве хозяйственной части», «О торговле и промышленности Сибири», «Об устройстве сообщений».

Одним из важных направлений было определено развитие частной золотопромышленности, как требующей особого внимания со стороны правительства. В плане было указано на необходимость: «1) оказывать все возможные поощрения для большего развития этой отрасли народного богатства в Сибири; 2) поощрять введение механических производств на золотых приисках; 3) рассмотреть имеющиеся в виду предложения относительно изменения или дополнения существующих по частной золотопромышленности узаконений и 4) сообразить, достаточно ли существующий ныне надзор за частною золотопромышленностью в Сибири и нет ли надобности усилить его в некоторых местах» [1]. По сути были полностью приняты все предложения, изложенные в Записке председателя Комитета князя А.И. Чернышева его членам. Однако из плана был исключен один пункт, конкретизировавший первое положение, касающееся задачи оказания поощрения, «для открытия новых приисков, принимать меры к тому, чтобы прииски разрабатывались постепенно и чтобы таким образом золото вырабатывалось исподволь, а не вдруг...» [2]. Надо полагать, это было свя-

зано с тем, что положение страны в настоящий момент требовало резкого наращивания добычи драгоценного металла, а обеспечение мер по рационализации добычи являлось задачей будущего. В перспективе, если бы подобные меры были приняты, то это в какой-то мере могло бы снизить уровень использования хищнических технологий и подходов добычи рудного и особенно рассыпного золота в регионе.

За весь период функционирования второго Сибирского комитета (1852-1864 гг.) вопросы, связанные с регулированием золотодобычи, являлись приоритетными среди комплекса проблем, составляющего предмет его хозяйственной деятельности. Основными темами были земледелие, солеварение, виноделие, золотодобыча, торговля, связь, лесное дело, обеспечение фискальных интересов, как показывают наши подсчеты, основанные на сплошном анализе материалов реестров журналов Второго Сибирского Комитета. Из более чем трехсот восьмидесяти вопросов, рассмотренных за 12 лет, 90 приходилось на золотодобычу, что составляло 23 %. Характерно, что земледелие находилось только на втором месте и составляло 20 % всех хозяйственных вопросов.

Данное обстоятельство было закономерным явлением и обуславливалось рядом объективных факторов, определялось тем положением, какое частная золотодобыча занимала не только в Сибири, но и в Российской империи в целом.

Во-первых, именно накануне создания Комитета Россия в 1848 г. стала рекордсменом в мировой добыче этого драгоценного металла. Если в первое десятилетие на ее долю приходилось 0,9 % добытого на планете золота, то в 1831-1840 гг. - 35,2 %, в 1841-1850 гг. - около 40 % [3]. Столь резкому росту способствовало открытие и начато разработки именно сибирских месторождений, а конкретно открытие в первой половине 20-х годов XIX века в Мариинской тайге на реке Берикюль россыпи ссыльным крестьянином Егором Лесным и заявка на них купца Андрея Попова в 1826 г. Уже в 1826 г. Попову принадлежали отводы 30 золотопромышленных приисков, в 1829 г. из них разрабатывалось 3

ПОЛЗУНОВСКИЙ ВЕСТНИК № 1 2006

прииска, на которых было добыто 1 пуд 10 фунтов 13 золотников золота за 1 год [4]. После этого за четверть столетия начинается разведка, и эксплуатация золотых приисков на обширной территории от Салаирского края до Забайкалья. В 1850 г. в Сибири добывалось более 70 % российского золота [5].

Однако бурный рост данной отрасли промышленности, то место, какое занимала Сибирь в этом процессе, являются существенным, но не исчерпывающим обстоятельством, обусловившим столь пристальное внимание Сибирского комитета к развитию частной золотодобычи. Существенную роль сыграло еще и то, что к началу 50-х годов XIX века наметилась тенденция к утрате Россией мирового лидерства в данном направлении в связи с открытием и разработкой золота в Калифорнии и Австралии. Одновременно в стране начинает снижаться прирост среднегодовой добычи золота: в 1851-1855 гг. по сравнению с предшествующим десятилетием в 7 раз [6]. Несомненно, государственную верхушку не могло не волновать данное обстоятельство, и она в лице своих ведущих представителей, входивших в состав данного органа управления, не могла не реагировать как вначале деятельности Комитета, когда данная тенденция обнаружилась, так и в ходе его работы.

Другой вопрос, мог ли данный орган оказывать существенное влияние на развитие отрасли в тех условиях, в каких ему приходилось работать, в тех законодательных рамках и в том правовом поле, какое существовало в империи в 50-х - начале 60-х гг. XIX века.

Во-вторых, именно с развитием частной золотодобычи правительство связывало во многом решение вопросов пополнения государственной казны. С конца 40-х годов финансовая система страны находилась в тяжелейшем положении. Этому способствовал ряд обстоятельств внутреннего и внешнего характера, требовавших значительного увеличения государственных расходов: неурожай 1848 г., Крымская война, железнодорожное строительство, денежный кризис конца 50-х годов. Министерство финансов пыталось решить проблемы дефицита бюджета, инфляции бумажных денег за счет изменения налогового законодательства, в основном в направлении косвенных сборов, принятия мер по запрещению вывоза золота и серебряной монеты в 1848, 1854 годах, которые были отменены Указом от 12 апреля 1857 г. Однако уже 5 мая министр финансов предло-

жил ограничить действие этого указа, что и было сделано 22 ноября.

В целом последние годы царствования Николая ознаменовались стремлением снизить государственные расходы. Уже в 1845 г. было принято решение о сокращении расходов по сметам на 1846 г. В 1852 г. было принято решение о сокращении штатов, расходов, не имеющих большого значения. Так, например, по военному ведомству были даже отменены некоторые предметы амуниции в частях, не имеющих прямого боевого назначения. Принятый порядок был применен на практике и в два последующих года [7].

Поиск новых источников доходов, безусловно, приводил к тому, что частной золотодобыче, как молодой, динамически развивающейся отрасли, уделялось особо внимание. Вообще основными источниками доходов в России были средства, получаемые от казенных горных заводов, частной золотопромышленности и от соляного промысла.

В начале 50-х годов из Сибири поступало доходов ежегодно 19700000 рублей серебром (без земских сборов и городских доходов в 1283203 рубля, которые изначально предназначались на местное потребление в крае). Доходы от частной золотопромышленности составляли около 3000000 рублей, или 15,7 %. Только за их счет можно было полностью содержать местное управление (2300000 рублей), и более чем на 60 % (1500000 рублей) все подразделения военного ведомства, расквартированные к востоку от Уральского хребта до берегов Тихого океана, включая структуры Морского министерства [8].

Следовательно, развитие золотопромышленности было реальным путем для пополнения доходов казны. И это на фоне кризисного состояния с получением доходов от питейных откупов и сборов в условиях застоя в винокурной промышленности; неудобства системы продажи соли, когда, с одной стороны, признавалась необходимость усиления потребления ее в стране, с другой, ставилась задача увеличения доходов казны от этого, но действенных мер так и не было принято. В муках вырабатывалась политика по акцизам на табак, сахар, спички. Было ясно, что за счет доходов от частного предпринимательства в золотодобыче всех вопросов не решить. Но возможно было поправить пошатнувшееся финансовое состояние империи.

РАЗВИТИЕ ЧАСТНОЙ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ СИБИРИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ II ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Однако второй Сибирский комитет начал свою работу в указанном направлении не на пустом месте. К началу 50-х годов XIX века в России уже имелись основы законодательства, регулирующего эту отрасль хозяйства.

Следует отметить, что отношение правительства к вопросу развития частной золотопромышленности на протяжении XVIII-XIX вв. было непоследовательным. Так Петр I своим указом от 14 декабря 1719 г. разрешил всем сословиям разведку и добычу драгоценных металлов. Затем в 1782 г. Екатерина II Указом от 28 июня аннулировала это положение, предоставив право горных свобод помещикам. Данное положение сохранялось до 1812 г., когда вышел Сенатский указ от 28 мая «О предоставлении права всем Российским подданным отыскивать и разрабатывать золотые и серебряные руды с платежом в казну податей». По сути дела этот закон не только лишил землевладельцев исключительного права разведки и добычи золота в своих имениях, но и отменил государственную монополию на это, разрешив торговые операции с драгоценными металлами.

До второй половины 20-х годов XIX века в законодательстве не отражается тема частного предпринимательства в золотодобывающей отрасли в Сибири, что было связано с отсутствием самого объекта права, который появился только в 1826 г. Но уже в 1828 г. было принято решение «О дозволении купцу Кузнецову отыскивать, и разрабатывать, золотосодержащие руды в Иркутской, Енисейской и Томской губерниях». Обращает на себя внимание тот факт, что речь идет не только о Томской губернии (где в конце 20-х годов сосредотачивалась вся частная золотодобыча и было сделано к 1832 г. на имя Поповых 124 заявки: Рязановых и Баландина - 34, Асташева - 15, Мельникова 5 и еще несколько на разных 9 лиц), но и на губернии Иркутскую и Енисейскую. В то время как золотonosные россыпи в Минусинском и Ачинском округах Енисейской губернии были открыты только в 1832 г., а в Канском и Нижнеудинском округах на границе Енисейской и Иркутской губернии на реке Бирюса в 1836 г. Несмотря на персонифицированный характер указа, он, тем не менее, позволил колоссально расширить район разведок, а в последствии и добычи золота.

Включение Сибири в систему золотодобычи привело к резкому росту преступлений, связанных с этим драгоценным металлом. Поэтому в 1829 г. было издано Положение "О

преступлениях по добыванию золота, тайной оным торговле и о наказании за сии преступления». В преамбуле указа содержится ссылка на то, что его появление, вызвано многочисленными хищениями и утайками «к пресечению коих общие уголовные законы по разнообразности сих преступлений и по удобствах их сокрытия, оказались недостаточны» [10]. Делается ссылка на то, что это связано с открытием золотonosных песков на Уральском хребте, разными донесениями и выводами особой комиссии. Однако Березовские промыслы на Урале к этому времени функционировали уже более 80 лет. Несомненно, за эти годы здесь сложилась определенная уголовная практика, связанная с указанными преступлениями. Но необходимости в законодательном оформлении борьбы с данным рода преступлениями не наблюдалось. С большой долей уверенности можно сказать, что они не рассматривались как массовые, вопросы наказания решались на основании общих положений. Стоило только золотодобыче шагнуть далеко на восток, вслед за этим в новые районы пришли и специфические преступления, захватывая все большее пространство, втягивая в свою сферу новые массы людей. Преступлениями по производству золота признавались: его похищение; участие в похищении и утайка от властей; послабления к похищению, связанные с деятельностью чиновников, их злым умыслом и служебной халатностью; тайная торговля золотом. Сибирский след в создании указа четко прослеживается в пункте 6 Положения, где запрещается продажа даже клейменого золота не только в Оренбургской и Пермской губерниях, но и в Западной Сибири. Причем особо оговаривается вариант вывоза его через Азиатскую границу.

1833 год знаменовал собой создание системы надзора за частной золотопромышленностью. Именно в это время вышли два указа с Положениями «Об утверждении надзора за частными золотыми промыслами в Западной Сибири» (14 февраля) и «О полицейском надзоре за частным золотым промыслом в Западной Сибири» (24 октября).

В 1851 г. был издан указ «О назначении в Горные ревизоры частных золотых промыслов горных инженеров-подполковников и присвоение помощникам их 8 класса». Сама должность ревизора была учреждена в 1833 г. для осуществления надзора за исполнением золотопромышленниками установленных правил и норм, а так же за снабжением рабо-

чих, их поведением. По сути дела к началу 50-х годов была создана целая система надзора за отраслью, что подкрепило систему наказания за преступления, а по сути дела обеспечивало механизм реализации Положения 1829 г. «О преступлениях...».

30 апреля 1838 г. вышло «Высочайше утвержденное положение о частной золото-промышленности на казенных землях в Сибири», которое обобщало опыт всего предшествующего локального законодательства по данному вопросу. По нему разрешалось отыскивать и разведывать, разрабатывать золотоносные россыпи в Сибири (за исключением: в Западной – в Алтайском горном округе, в Восточной – в Верхнеудинском и Нерчинском округах): потомственным и личным дворянам, за исключением служащих в Сибири и в горной части в Санкт-Петербурге; потомственным почетным гражданам; купцам 1 и 2 гильдии и лицам, торгующим на их правах.

Положением решались вопросы о: выдаче разрешений на занятие золотопромышленностью, оформлении заявок на прииски, отводе площадей и их разработке, порядке найма и управления рабочими, обеспечения надзора за промыслами, податях. Система надзора была прописана особо и имела двойной характер, с одной стороны, она возлагалась на горное начальство (в Западной Сибири и округах Ачинском, Красноярском и Минусинском – на Алтайское горное правление, в других округах Восточной Сибири – на Генерал-губернатора), с другой – на губернское местное правительство. Положение возложило на Генерал-губернаторов обязанности главного блюстителя за порядком на промыслах. Надзор осуществляли горные ревизоры, утверждаемые министром финансов. Он же определял географию их деятельности. На местах они непосредственно подчинялись Генерал-губернатору Восточной Сибири или же начальнику Алтайского Горного правления. В их подчинении находились горные чиновники, командируемые ежегодно для отвода площадей частным промышленникам.

Создание системы надзора за частными приисками настоятельно диктовало необходимость определения статуса чиновников, занимавшихся решением этих вопросов. Поэтому в 1839 г. было утверждено Положение «Об отнесении звания чиновников, занимающихся отводом площадей к приискам по золотым промыслам в Сибири по должности

к IX классу и по пенсии к VIII разряду». Через год было принято новое Положение «Об определении на частные золотые промыслы в Сибири особых полицейских чиновников для поимки беглых». Данными актами делалась попытка решения вопроса определения статуса чиновников, от которых зависело решение вопроса об отводе площадей под разработки, хотя само решение принималось в столице; намечались меры к установлению преград для бесконтрольного использования рабочей силы. Это было особенно важно в условиях, когда рабочих рук на приисках не хватало, в регионе была большая концентрация ссыльных и каторжных, сама Сибирь была местом, куда устремлялись потоки беглых из Европейской России.

В условиях, когда государственный надзор был ослаблен, большое количество вопросов решалось в центре, очень многое зависело от воли, благоволения и произвола местных чиновников. Российское законодательство запрещало чиновникам заниматься частным золотодобывающим промыслом. Однако, как гласит пословица: «Голь на выдумки хитра!». Тем более, если присутствуют прямые хозяйственные интересы. За двадцать лет разработки золотосодержащих россыпей в Сибири сложилась практика, когда чиновники с целью получения финансовой выгоды официально брали на себя, или это делалось через ближайших родственников, функции поверенных лиц отдельных предпринимателей. Получалась анекдотическая ситуация, когда тот, кто обязан был принимать решения, одновременно являлся и ходатаем по данному вопросу. В связи с этим Государственный совет вышел с предложениями о мерах, как изменить сложившуюся ситуацию. В июне 1846 г. было утверждено Положение «О недозволении служащим в Сибири чиновникам быть поверенными по делам частных золотопромышленников». Было определено дополнить Свод законов положением, что служащие чиновники, их жены и члены их семей не могут быть поверенными других лиц по тем промыслам, заниматься которыми непосредственно им уже запрещено [11]. Г.Н. Потанин так описывал последствия золотой лихорадки в Сибири: «Все бросились искать золото. Ремесленник бросил свой верстак; чиновник, не стеснясь своим званием, шел служить к купцу - золотопромышленнику... Вице-губернатор идет в управление конторой к купцу» [12]. Но это был один, так сказать, радикальный путь осу-

ществования связки чиновник - промыслы, который лишал чиновника статуса. Скрытый найм к золотопромышленникам «слуг государевых» был более распространен. Данное явление приобрело такие масштабы, что решить проблему сразу было нереально, поэтому в указе от 6 июня 1846 г. было отмечено, что эти данные служащим доверенности сохраняются на полгода и утрачивают силу только с 1 января 1847 г.

Центральные власти понимали, что одними запретительными мерами проблему не решить. Социальный состав сибирского чиновничества существенно отличался от служащих Европейской России. Там чиновник очень часто был и помещиком, то есть имел устойчивый, постоянный доход помимо жалования. Сибирский же его собрат вынужден был довольствоваться тем, что ему было положено по чину. В связи с этим 21 декабря 1848 г. и было принято Положение «О назначении остаточных от сбора золота 20 тыс. рублей сер. на временные добавки к содержанию чиновникам Восточной Сибири». Несмотря на временный характер, небольшой объем сумм, данный акт свидетельствовал о попытке найти выход из создавшегося положения.

В 1851 г. был решен вопрос о денежной подати с золотопромышленников в поддержку земских сборов на местные повинности.

Как видим, с 1838 г. правом создавать золотодобывающие прииски стали обладать только дворяне, потомственные почетные граждане и купцы первой и второй гильдии в соответствии с Уставом о золотопромышленности. Тем самым были поставлены мощные сословные перегородки для развития частного предпринимательства в данной отрасли. 9 апреля 1846 г. было утверждено мнение Государственного совета «О допущении личных дворян и почетных граждан к производству золотых промыслов в Сибири не иначе, как со взятием свидетельств 2 гильдии». Безусловно, сословный состав владельцев остался прежним, фискальные интересы правительства стали прослеживаться более четко.

Вместе с тем Положение 30 апреля 1838 г. более четко определило права и обязанности золотопромышленников, условия составления и создания товариществ и компаний, порядок найма и содержания рабочих. Устанавливались дополнительные меры к предотвращению тайной торговли золотом, похищенным с частных приисков. Однако как по-

казало дальнейшее развитие событий, хищения при производстве старательских работ продолжались. Большое значение имел Сенатский Указ от 14 апреля 1849 г. «Об изменении способа взимания податей с частой золотопромышленности в Сибири», последствия которого сказались в перспективе. До этого подать была единой на все прииски, независимо от мощности производства и объема добычи. Теперь подати были дифференцированы, для чего прииски были разделены на 10 разрядов. К первому отнесли прииски, где добывали золота от 1 до 2 пудов, к десятому те, с которых добывалось более 50 пудов ежегодно. Вводилась прогрессивная шкала налогообложения. С приисков 1-го разряда взималось по 5 % подати. Соответственно со 2-го по 10 %, с 3-го по 15 %. Уже с 4-го разряда за первые десять пудов по 17%, а за количество свыше этого (до 15 пудов - верхняя граница разряда) по 25 %. С 10-го разряда за первые десять пудов взималось по 32 %, а за превышение этой цифры – по 35 % [13]. Внешне все выглядело разумно, поскольку вроде бы облегчалось податное бремя на мелких и средних предпринимателей. С целью предотвращения дробления приисков при передаче детям было указано, что разряд остается общий. Другими словами, указ резко ограничивал возможности создания крупных производств, основанных на использовании передовой техники и прогрессивных технологий.

Дифференцировалось и взимание, так называемой, денежной горной подати для содержания полиции, воинских команд, чиновников, как и пособие по земскому сбору.

Правительство понимало, что промышленники могут начать переводить золото из приисков высших разрядов в более низкие. Это расценивалось как подлог, и виновные подвергались наказанию на основании статьи 631 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. По сути, крупный и средний промышленник стоял теперь на распутье: честно платить новую подать, сохраняя производство; пытаться переводить золото с богатых приисков на бедные, попадая под уголовную статью; искать третий путь для сохранения прибылей.

До тех пор, пока частная золотодобыча развивалась в Мариинской тайге, не существовало острой проблемы с приемом золота, который осуществлялся Алтайским Горным правлением в пределах одного региона - Западной Сибири при налаженных транс-

портных путях Томской губернии и Горного округа. Но после того, как промышленность шагнула на восток, ситуация стала обостряться.

Еще 1835 г. указом от 19 февраля было разрешено принимать золото от частных золотопромышленников Восточной Сибири в Алтайском Горном правлении, что было подтверждено Уставом 1838 г. Но уже через десять лет по мере расширения ареала золотодобычи связь многих приисков Енисейской и Иркутской губерний, районов Забайкалья с традиционным центром сдачи драгоценного металла стала затруднительна. По сути, лихорадило всю систему управления отраслью. Поэтому Указом от 17 ноября 1848 г. было утверждено мнение Государственного совета «О подчинении дел по частной золотопромышленности Восточной Сибири Совету Главного управления». С одной стороны, управление отраслью в крае было приближено к местам добычи, с другой, центр, создав систему своего контроля, не позволил решение вопросов управления передать в ведение губернских органов.

В целом развитие законодательства по золотодобыче привело к тому, что в 1851 году вышел Указ об изменении статей Свода законов, относящихся к этой отрасли промышленности, позже дополненный новыми правилами относительно найма рабочих на частные промыслы, мерами к охране приисков во время производства спорных по ним дел [14].

Сибирский Комитет, как орган правительства, на протяжении всего периода деятельности сосредотачивал свое внимание на ряде проблем, связанных с развитием золотопромышленности, а именно на таких как: организация деятельности отрасли, уделяя здесь основное внимание надзору за частной золотопромышленностью; обеспечение регулярного поступления налогов; решение вопросов владельческих прав на прииски и предоставлении определенных льгот владельцам; обеспечение приисков рабочей силой. В деятельности Комитета четко прослеживается расширение ареала добычи золота в районах к востоку от Урала. Уже в первый год работы Сибирского Комитета им были рассмотрены такие вопросы как «О добыче золота частными золотопромышленниками в Сибири», «Об увеличении на золотых приисках в Сибири числа рабочих из великороссийских крестьян», «О надзоре за золотыми приисками в Киргизской степи», «О приведении в

действие нового закона о разработке золотых приисков». Плюс к этому в октябре - ноябре 1852 г. Комитет шесть раз возвращался к вопросам частной золотопромышленности в регионе. Еще в начале его работы были определены основные направления последующей деятельности и в данном вопросе.

Правительство пыталось любой ценой увеличить объем получаемых в казну податей с отрасли. В 1850 г. произошло уменьшение количества добытого золота с 1184 пудов в 1849 г. до 1010 пудов, и как следствие этого падение количества податей с 300 до 218 пудов. В последующем году в казну поступило еще меньше золота. В Комитете развернулась дискуссия по объяснению данного обстоятельства. Ревизировавший Западную Сибирь Н.Н. Анненков согласился с мнением Горного начальника Алтайских заводов о том, что данное явление связано с тем, что промышленники умышленно уменьшили добычу на богатых приисках, разрабатывая более бедные, в соответствии с нормами Указа 1849 г. Предлагалось ввести практику взимания пошлин не с каждого отдельного прииска, а со всего золота, добываемого на всех приисках владельца или компании.

Министерство финансов, в лице управляющего тайного советника П.Ф. Брока выступило против нововведения, заявив, что данные выводы основаны не на системе поведения всех золотопромышленников, а на исключительно отдельных случаях, не влияющих на общую ситуацию. Более того, доказывалось, что под воздействием закона 1849 г. частные лица, не прекращающие работ на прежних своих приисках, начали разработку убогих, которые при прежней системе не могли работать из-за больших производственных издержек. Министерство финансов указывало: «Домогаться разработки частных золотых приисков в размере, не соответствующим выгодам промышленника... едва ли справедливо и даже возможно» [15]. П.Ф. Брок боялся, что предложения Горного начальника приведут к прекращению работ на убогих приисках, уменьшению активности на богатых и в итоге снизит доходы государства. Предлагалось даже рассмотреть вопрос об уменьшении подати для приисков высшего разряда. С другой стороны отмечалось, что три года срок малый и судить о тенденции еще невозможно. В итоге Комитет согласился с мнением Министерства финансов, указав, правда, на необходимость проанализировать

собираемость подати с приисков по их разрядам.

Через год в 1853 г., Комитет вернулся к решению данной проблемы, при рассмотрении вопроса «О последствии взимания податей с золота по новой системе». Министерство финансов на этот раз использовало решения 1852 г. для подтверждения своих позиций. Опираясь на решение о необходимости сбора сведений по отдельным приискам, пришли к выводам:

- во-первых, уменьшение добычи золота связано с уменьшением добычи на отдельных, ранее богатых приисках;
- во-вторых, закон 1849 г. стимулирует добычу на тех месторождениях, которые ранее не могли бы разрабатываться из-за единой шкалы обложения;
- в-третьих, промысел в Сибири, если не брать в расчет очень богатые прииски, идет удовлетворительно;
- в-четвертых, перехода из низших разрядов в высшие нельзя было и ожидать, так этот процесс должен занимать несколько лет.

К 1854 г. стало очевидно, что закон 1849 г. не способствует увеличению добычи золота. В предшествующем году было добыто рекордно низкое количество благородного металла 878 пудов, и в казну поступило всего 158 пудов подати натурой. В это время Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев предложил уменьшить размер подати до 20 % с золотопромышленников Якутской области и Северной части Киренского округа Иркутской области, ссылаясь на большие производственные издержки, дороговизну рабочей силы.

Но главным фактором, заставившим правительство обратить пристальное внимание на сибирскую золотопромышленность, была Крымская война. Во-первых, резко уменьшилось поступление золота из-за границы, во-вторых, существенное увеличение военных расходов требовало укрепления финансов, что невозможно было без увеличения во внутреннем обороте количества золотой монеты, обеспечения доверия к билетам государственных кредитных учреждений. О сибирском золотом промысле заговорили как об одной из самых значительных отраслей не только частной деятельности, но и существенного средства поддержки государственной финансовой системы.

Анализ показывал, что многие положения существующей системы не стимулировали развития отрасли. По статье 2425 Горного

устава прииски, на которых добавилось меньше пуда золота в год податю не облагались, а платили по 300 рублей. Здесь складывалась противоречивая ситуация. Те из предприятий, которые вырабатывали около пуда с планом справлялись легко и имели оборотные средства, владельцы их получали прибыль. Но при добыче небольшого количества металла издержки превышали доход, и вся прибыль уходила на вышесказанную плату. Это не только приводило к закрытию мелких приисков, но и не стимулировало разработку бедных россыпей. По сути, происходила выкачка средств из таких приисков. Так в 1852 г. с приисков, обложенных 300 рублевой пошлиной, было получено в казну 1 пуд 39 фунтов. Но количество предприятий уменьшилось за год с 9316 до 133. Если бы данная тенденция продолжилась, канал налоговых поступлений был бы, если не прекращен полностью, то существенно сужен.

Еще более острым было положение с приисками последних высших разрядов, количество которых неуклонно уменьшалось. Так в 1849 г. к двум последним разрядам принадлежало 6 приисков, на которых добывали 494 пуда 36 фунтов золота или более 40 % от всего объема добычи. В 1851, 1852 годах осталось всего два прииска, и доля их добычи в общем объеме упала до 10 %, а в 1853 г. на одном оставшемся прииске - 8%. В последующем году не разрабатывалось ни одного предприятия [17]. Необходимость изменения подходов была очевидна. Материалы заседания Сибирского Комитета 3 августа 1854 г., когда обсуждался вопрос «Об уменьшении подати с золота, добываемого частными промышленниками в Сибири», говорят о дискуссии, шедшей в верхах государственной власти по подходам к данному вопросу. Иначе чем объяснить то обстоятельство, что статс-секретарь Брок ведет полемику, отвергая старый поход, когда до 1849 г. прииски подразделялись на три разряда, из которых платилось в казну по 15, 20, 24 % от добычи золота. Но разделение это основано было не на содержании металла в песках, не на количестве добываемого золота, а на времени отвода приисков и на месте нахождения разработок.

Министр финансов жестко заявил, что правильность системы взимания, связанная с уровнем добычи, не может подлежать никакому сомнению [18].

Однако в новых условиях отстаивать точку зрения предшествующих двух лет было

невозможно. Потому Сибирскому Комитету было предложено понизить размеры подати с золота с целью поощрения промышленников. В связи с этим решили, не изменяя самой системы подходов, сократить количество разрядов более чем в два раза с десяти до четырех. К первому были отнесены прииски, на которых добывалось в год золота от одного золотника до двух пудов с оплатой подати по 5 %; ко второму, где добывалось от пяти пудов, подать – 10 %; к третьему от пяти до десяти пудов (15 %); к четвертому – свыше десяти пудов (20 %). В той же пропорции предлагалось уменьшить взывание денежного сбора на покрытие расходов на содержание полиции и управление частными промыслами.

Новая система вводилась как экспериментальная на три года, а во всей Сибири с 1855 г. Примечательно, что император утвердил это решение уже на следующий день 4 августа. Следует считать, что новые правила взимания существенно увеличили как объемы добываемого золота, так и подати с него. Так в 1855 г. было добыто 1110 пудов, в 1856 г. – 1177 пудов, соответственно размеры подати натурой составили 177 и 184 пуда. В 1857 г. прирост добычи составил 8 % [19].

В апреле 1858 г. по докладу нового министра финансов А.М. Княжевича было принято решение о внесении изменений в ряд статей Горного Устава, касающихся изменения правил взимания подати, с золота, добываемого частными лицами в Сибири. Во-первых, было решено разделять прииски на три разряда. К этому привела практика применения временных правил 1854 г. Дело в том, что промышленник, на прииске которого добывалось свыше двух пудов, хотя бы один или два золотника, обязан был уже платить подать вместо 5 %, положенных для первого разряда, по 10 %, определенных для второго разряда, то же происходило и с другими разрядами. Это вынуждало промышленников ограничивать добычу золота известными пределами. С целью предотвращения этого, было принято решение оставить только три разряда: к первому отнесены были прииски, где добывалось от одного золотника до двух пудов золота, ко второму – от двух до пяти пудов и к третьему, где ежегодно добывалось свыше пяти пудов.

Были внесены изменения в сам механизм обложения. С приисков первого разряда бралось 5 % подати, со второго – за первые

два пуда по 5 %, а за большее количество по 10 %, с третьего – за первые пять пудов по 12 %, за количество свыше этого 15 %. Прииски, в которых добывалось меньше одного золотника, особой податью не облагались. Во-вторых, для возмещения расходов по содержанию полиции, воинских команд, на пособие по земскому сбору вводилась денежная горная подать с каждого фунта золота, соответственно по 4, 6, 8 рублей в зависимости от разряда, которая взималась при окончательном расчете за поступающий от промышленников металл [20].

Смена министра финансов привела к тому, что министерство вынуждено было признать факт отрицательного влияния закона 1849 г. на развитие промысла, который в течение пяти лет шел к упадку. Наряду с этим отмечался факт обеднения золотосодержащих россыпей, свидетельством чему служило то, что если в 1847 г. для добычи 1396 пудов золота было промыто 228 миллионов пудов песка, то в 1857 г. для добычи 1275 пудов драгоценного металла было промыто уже 560 миллионов пудов песка. Следовательно, эффективность разработок упала более чем в два раза. Понимая, что оскудение россыпей является процессом необратимым, правительство вынуждено было пойти на поиски путей налогового стимулирования отрасли. Ситуация осложнялась еще тем, что наблюдался рост дороговизны жизненных припасов, что приводило к росту заработной платы рабочих, а, следовательно, и к росту издержек производства. Однако следует отметить, что Комитет рассматривал пути увеличения добычи золота и, понимая необходимость уменьшения доходов в казну, как временное явление, не совсем верно просчитал ситуацию. Предполагалось, что при новой системе взимания пошлины удастся довести ежегодную добычу золота до 1600 пудов, что фактически было невозможно в условиях экстенсивных методов работы. С одной стороны, количество приисков за четыре года (1857 – 1865 гг.) увеличилось в полтора раза, с 249 до 374, но с другой стороны, с 1858 г. начинается снижение добычи, упав с 1274 пудов, до 1031 пуда, т.е. в 1,2 раза. В итоге, если к концу эксперимента в среднем с одного прииска добывалось по 5,1 пуда в год, то в 1860 г. по 2,8 пуда [21]. Несмотря на то, что реформа 1858 г. своих конечных целей не достигла, она, тем не менее, имела определенное положительное значение, так как дала

РАЗВИТИЕ ЧАСТНОЙ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ СИБИРИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ II ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

возможность развиваться промышленности в более благоприятных условиях.

Уже в 1860 г. Сибирский Комитет рассмотрел вопрос «О настоящем положении частной золотопромышленности в Сибири». Примечательно, что инициатива исходила от императора Александра II, который, анализируя отчет Генерал-губернатора Восточной Сибири за 1858 г., увидел уменьшение добываемого на частных приисках золота и приказал Комитету обсудить, не следует ли принять какие-либо меры по увеличению добычи золота. Прямо указывалось на то, что это связано с необходимостью повышения государственных доходов. Комитет пришел к выводу о том, что уменьшение добычи золота, «произошло от совершенно случайных и непредвиденных причин, которые, по самому роду их могут, иметь лишь временное влияние на развитие золотого промысла» [22]. А.М. Княжевич занял жесткую позицию в отношении отстаивания полезности апрельского 1858 г. решения. Заметим, что если нормы 1849 г. он характеризовал как путь к упадку, то настоящее положение дел характеризовал как случайность, но не как упадок.

Причины снижения добычи золота были названы правильно: дороговизна жизненных припасов, позднее наступление весны, недостаток во многих районах воды, недостаток оборотных капиталов, что приводило к позднему найму рабочих. Высказывалось мнение относительно роли частной золотопромышленности во всех уездах Пермской губернии, в Малой Киргизской Орде и в Приамурском крае. Но это были не основные причины. Дать толчок для бурного роста частной золотопромышленности можно было, только сняв сословные путы с предпринимательства, отменив нормы 1838 г. Не говоря уже о первых двух категориях, в Сибири в это время купцы, которым разрешалась золотодобыча, составляли всего 5,7 % от всего купечества [23].

Подтверждением этому может служить ситуация, сложившаяся в Мариинской тайге, откуда и начиналась вся сибирская золотодобыча. За первые тридцать лет разработки Мариинские прииски были практически выработаны, в 1860 г. количество добываемого золота составило 27 пудов [24].

В следующее десятилетие наблюдается стабильная добыча золота вплоть до 1870 г. Так если в 1861 г. на 76 приисках было добыто около 31 пуда драгоценного металла, то и в 1870 г. на 77 приисках добыто то же количе-

ства золота [25]. В 1870 г. был введен в действие новый «Устав о частной золотопромышленности», одним из основных положений которого являлась отмена монополии на занятие золотопромышленностью сословий и предоставление права занятия ею всем сословиям и национальностям России и иностранцам за небольшим исключением. Это привело к тому, что местные представители купечества в лице Артаулова, Ермолова, Гурьевича, Коштарова, Хаймовича, Буткевича, Юдалевича, Миллера, Мозеса, Кузнецова, Цибульского и многих других, стали переводить свои торговые капиталы в золотопромышленность. В итоге изменился состав золотопромышленников, произошло разукрупнение предприятий. Как следствие уже через год было добыто 49 пудов золота [27].

Перед Комитетом остро стоял вопрос обеспечения рабочей силой частных предприятий, но добиться этого было сложно. Крестьяне, служилое и мещанское население в силу специфики своей жизни не могли быть использованы на промыслах. Да правительство и не было заинтересовано в отрыве одних от земли, других от службы и от торговли. В общей массе сибирского населения выделялись ссыльнопоселенцы, которые, как правило, не имели своего хозяйства, обеспечение их жизнедеятельности тяжким бременем лежало на плечах местных властей. Они то и могли продавать свои рабочие руки на промыслы. Но здесь власти находились перед проблемой закрепления их в местах проживания, обзаведения хозяйством и включения в крестьянское сословие. Сезонная работа на приисках приводила к тому, что процесс люмпенизации этой группы населения углублялся, что было неприемлемо для местной администрации.

Был и другой источник пополнения рабочей силы рудников и приисков: использование на сезонных работах труда крестьян великорусских губерний. Но в условиях существования крепостного права использование этого источника было затруднено, как самим фактом прикрепления крестьян к земле, так и установками представителей власти, которые боялись открыть Сибирь для российских крестьян, даже если это и были временные работы.

Уже в октябре 1852 г. Сибирский Комитет рассмотрел вопрос «Об увеличивающемся на золотых приисках в Сибири числе рабочих из великороссийских крестьян». Рассмотрению его способствовало то, что ревизовав-

ший Западную Сибирь генерал-адъютант Н.Н. Анненков в своей записке о частной золотопромышленности считал, что наблюдается тенденция увеличения на промыслах рабочих из числа крестьян великорусских губерний, и что они могут в ближайшее время вытеснить ссыльнопоселенцев на промыслах, которых работало здесь ежегодно от 17 до 18 тысяч человек [28]. Вокруг данного вопроса разгорелись бурные дебаты, которые нашли отражение в журналах Комитета. Управляющий Министерством финансов запросил генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева не влияет ли на нравственность крестьян великорусских губерний общение на промыслах с ссыльнопоселенцами, и не приводит ли использование крестьянского труда к тому, что ссыльные лишаются средств к существованию. Н.Н. Муравьев считал, что крестьяне привлекаются на промыслы, с одной стороны, заработками, за счет которых платят оброки и подати, с другой, лучшим содержанием и питанием, потому он не видит причин к препятствованию им селиться временно или постоянно в Сибири. Тем более, они не нуждаются в этом случае в пособиях от правительства. Кроме того, замена на промыслах ссыльнопоселенцев крестьянами послужит успешному обращению ссыльнопоселенцев к хлебопашеству и ремесленной деятельности.

Управляющий министерством финансов П.Ф. Брок разделил мнение генерал-губернатора по этому вопросу. Однако в Комитете эта точка зрения не получила поддержки. С одной стороны, было отмечено, что поощрение использования труда великороссийских крестьян выгодно золотопромышленникам, но, с другой стороны, многие ссыльнопоселенцы могут существовать только за счет заработка на промыслах, и вытеснение их из производства приведет к нежелательным последствиям. Особое внимание было обращено на то, что крестьяне в период отсутствия работ будут бродяжничать в Сибири, что нанесет прямой вред краю, т.к. из-за большого пространства и слабости полиции, надзора за ними в этот период не будет. Было указано: «Что особенно вредно в отношении помещичьих крестьян, которые, уйдя от помещиков, бродяжничают по Сибири, а помещики даже не знают, куда и к кому обратиться, чтобы искать своих людей» [29]. В целом Комитет в апреле 1852 г. не пришел к единому мнению и решил вернуться к рассматриваемому вопросу позже.

Более чем через год, в декабре 1853 г., Сибирский комитет вновь обратил свой взор к данной проблеме. Теперь уже упор был сделан на обеспечение полицейских мер по надзору за крестьянами. Министерство финансов вынуждено было несколько уступить министрам внутренних дел и государственных имуществ. Им было предложено оставить практику применения труда великорусских крестьян, но одновременно, принять дополнительные меры против их бродяжничества. Было предложено пропускать в Сибирь из великорусских губерний крестьян для работы на приисках только в том случае, если на их паспортах будет отметка от местного начальства о времени отбытия. Если из одного села волости или города отпускается несколько человек, то они могли отправиться на работы только артельно во главе со старостой, который должен держать у себя все паспорта. Горные исправники при увольнении с работы должны были выяснять, где крестьяне будут проживать до нового найма и составленные списки отправлять на места. Полиция, получив списки, должна была, проводить проверку людей. Отлучка с места временного проживания допускалась только с разрешения участкового заседателя в округе, полицмейстера или городничего в городах. За всякую самовольную отлучку крестьянина с места временного проживания он подвергался наказанию.

Комитет согласился с данными правилами, даже ужесточив их. Было решено, что великорусские крестьяне должны были предъявлять свои паспорта полиции в одном из трех находящихся на пути следования городов: Тюмень, Курган, Ялуторовск, - для отметки о времени прохождения указанных пунктов. Как видим, сразу же в вопросе по обеспечению рабочей силой золотых промыслов обозначился ярко выраженный крепостнический подход: крестьяне должны были оставаться под неусыпным контролем властей.

Еще острее, чем в Западной и Восточной Сибири, вопрос об обеспечении рабочей силой промыслов стоял в Киргизской степи. Здесь ситуация отличалась тем, что в данном регионе отсутствовал слой ссыльнопоселенцев.

В журналах II Сибирского комитета помещено интересное дело, связанное с обсуждением вопроса «По просьбе потомственного Почетного гражданина Попова о дозволении ему переселить на горный его завод в

Киргизской степи до 320 человек крепостных заводских людей с упраздненного в Пензенской губернии завода штабс-капитана Селезнева», которое обсуждалось на заседании Комитета 27 марта 1856 г., и является отражением борьбы, которая шла в верхах.

В 1835 г. коммерции советнику Попову было разрешено проводить во внешних округах области Сибирских киргизов поиск и разработку россыпей и руд. Причем, было поставлено неременное условие, чтобы на приобретаемые им земли было получено согласие местного населения. По сути дела речь шла о посессионном праве владения землей, при запрещении покупать ее в полную собственность. В 1839 г. Попову было разрешено построить на границе двух округов завод для плавки серебра, свинца и меди, который начал работать в 1844 г. Для организации заводского производства и обеспечения его квалифицированными кадрами практиковалось командирование сюда мастеровых из Алтайского горного округа. Общие работы производились вольнонаемными людьми, среди которых частично были и представители местного населения. Сразу же следует отметить, что дело шло сложно. Еще 11 февраля 1852 г. Тобольский губернский Совет рассматривал вопрос «Об отводе коммерции советнику Попову участка земли под медеплавильный завод», где речь шла о территории, занимаемой местным аборигенным населением. Было решено ограничиться временными правилами, поскольку дело было новым [30].

По уже в 1854 г. Военное министерство приобрело у Попова 1085000 пудов свинцовой руды, из которой на Алтайских заводах было выплавлено около 180000 пудов свинца. В 1855 г. вновь получено 150000 пудов свинца. В результате бурной экономической деятельности предприятие столкнулось с рядом острых проблем, среди которых особенно остро стоял вопрос обеспечения его постоянной рабочей силой. Причем, здесь важно было не только обеспечить производство неквалифицированными кадрами для выполнения вспомогательных работ, но и решить вопрос с постоянными работниками. Надо отметить, что отсутствие замкнутого технологического цикла отрицательно сказывалось на стоимости производимой продукции, так как руду приходилось добывать в Киргизской степи и перевозить ее для переработки на Алтайские горные заводы на расстояние 600 верст.

В связи с этим уже сын Попова и просил дозволить ему перевезти на этот завод 320 человек с упраздненного в Пензенской губернии чугуно-плавильного завода. Он объяснял это тем, что после перевода будет решен ряд важных проблем. Во-первых, перевод людей и помещение их в степи снимет вопрос о найме вольных людей, которых приходилось призывать за тысячу и более верст. Во-вторых, крестьяне из Пензенской губернии имели опыт горно-металлургической деятельности и легко могли включиться в производственный процесс в новых условиях. Попов ссылался на то, что он имеет право строить поселения и владеть собственностью.

Проблема заключалась не только в том можно ли было оторвать крестьян от земли и перевести их на новое место за несколько сотен верст, опровергнув тем самым правило, по которому они считались крепкими заводу, а не отдельному лицу, но и в том, можно ли было в начале второй половины XIX века водворять крепостное право в тех регионах, где его не было, способствуя развитию отживших общественных отношений вширь.

Обсуждение данного вопроса в Сибирском комитете вышло далеко за рамки частного явления и имело, по сути, знаковый характер. Несмотря на то, что Попов доказывал, что крестьяне будут прикреплены к заводу, а не к частному лицу, по сути, речь шла о попытке перенесения элементов крепостного права в Сибирь. Отметим, что обсуждение проходило за 3 дня до того, как Александр II произнесет свою знаменитую речь перед московским дворянством, где заявит, о том, что «лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само начнет отменяться снизу». Следовательно, государственный аппарат еще не был готов к проведению радикальных мер.

В обсуждении вопроса приняли участие представители высшей бюрократии Российской империи. Все они в той или иной мере впоследствии принимали самое активное участие в подготовке отмены крепостного права. Большинство уже имело опыт обсуждения крестьянского вопроса в секретных николаевских комитетах, некоторые излагали свои взгляды в обширных записках по данной проблеме, третьи имели опыт практической деятельности в этой сфере. По сути, все понимали необходимость отмены крепостного права, однако, по-разному смотрели как на условия проведения реформы, так и на воз-

можный радикализм проводимых мер. Одни из них, например С.С. Ланской, были активными проводниками политики Александра II в деле освобождения крестьян, другие, как, к примеру, Л.А. Перовский и В.А. Долгоруков, являлись сторонниками осторожного подхода.

Обсуждение, надо полагать, было бурным, поскольку точки зрения на вопрос о переводе крестьян резко разделились. Генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд, активный сторонник проведения экспедиции на юг, все же выступил резко против поселения крестьян, указывая на то, что до настоящего времени в Киргизской степи допускалось поселение лишь казаков, которые сами могли защищать себя, а поселенные крестьяне будут требовать обеспечения своей безопасности, которую трудно будет предоставить. Он указывал, что ситуация в степи обострится, поскольку поселения крестьян будут стеснять киргизов, которые, вступив в подданство России, отстаивают свое право на землю. На поиски и добычу руд промышленниками местное население смотрит равнодушно, так как уверено, что после выработки залежей предприятия будут закрыты, и земля останется у них. Создание же крестьянских поселений лишит их основного источника существования навсегда.

Управляющий Кабинетом, ссылаясь на экономическую необходимость развития добычи свинца в России, полагал, что государственные интересы требуют распространения русского населения в Киргизской степи. Важным аргументом было то, что это частично снимет зависимое положение России от Англии по свинцу, которая была монополистом. Министр финансов, также высказался за перевод крестьян из Пензенской губернии. Интересно, что П.Ф. Брок заявил на Комитете: «Заводы, имеющие достаточное число собственных людей, всегда действуют успешнее и прочнее, чем те, на коих действия производятся людьми вольнонаемными» [31]. Как видим, даже лицо, отвечающее за экономику страны, думало, что подневольный труд более выгоден экономически, чем вольнонаемный.

Однако данная точка зрения противоречила предшествующей практике обсуждения подобных вопросов в высших органах государственной власти. В 1830 г. по положению Комитета Министров было дано повеление Императора, которым запрещалось селить в Сибири людей крепостного состояния.

В 1839 г. Николай I при рассмотрении предложения о поселении в Сибири владельческих крестьян в виде обязанных, наложил резолюцию: «Ни в коем случае поселение помещичьих крестьян допущено в Сибири быть не может». В 1854 г. Сибирский комитет, рассматривая предложение о поселении в Сибири крепостных людей, постановил, что крепостные люди из внутренней губернии не могут быть переселены в Сибирь, что вообще там, где крепостных крестьян нет, было бы крайне нежелательно вновь учредить это сословие.

Просьба Попова была отклонена как с точки зрения конкретного перевода крестьян на отдельно взятый завод, так и с точки зрения возможности помещения крепостных людей в Сибири. Но проблема осталась.

Мы уже отмечали, что правительство пыталось решить вопрос за счет сдачи ссыльнопоселенцев за недоимки золотопромышленникам для работ [32]. Но, с другой стороны, по предложению Главного Управления Восточной Сибири в 1857 г. было запрещено нанимать тех же ссыльных из цыган [33]. По сути, все неудачные попытки административного стимулирования частной золотопромышленности, решения проблемы обеспечения ее рабочей силой, в Сибири в 50-е годы XIX века наглядно свидетельствовали о глубоком кризисе феодальных отношений в России. Необходимость развития отрасли понимали все. Но осуществлять это было невозможно. Крепостничество, господствующее в центральных губерниях России, тяжелым бременем лежало на окраинах, где личная зависимость непосредственных производителей вроде и была ограничена. И дело здесь было не только в узости рынка рабочей силы, но и в том, что представители высшей центральной и местной бюрократии даже не могли себе представить решение проблем за рамками, существующих вековых порядков. Однако Комитет понимал, что одними организационными и полицейскими мерами проблему решить невозможно. Поэтому на протяжении десяти лет делались попытки экономически стимулировать развитие частной золотопромышленности в Сибири.

Еще за шестнадцать дней до первого его заседания и за девять дней до указа о его учреждении Комитет министров в виде эксперимента представил Алтайскому горному правлению выдавать в 1852 г. сибирским золотопромышленникам ссуду, под залог предоставляемого ими в Барнаул золота. Для

РАЗВИТИЕ ЧАСТНОЙ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ СИБИРИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ II ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

обеспечения данных ссуд из Коммерческого банка был выделен один миллион рублей. Условия для выделения ссуд были довольно просты: желание золотопромышленника, под залог - за каждый золотник чистого золота выдавалось 60 копеек ссуды.

В целом данная мера была направлена на решение ряда проблем, которые сдерживали развитие отрасли: отсутствие оборотных капиталов на месте, дороговизна рабочей силы и продовольственных припасов.

Однако первый опыт оказался неудачным. За период с июля - по середину ноября 1852 г. было выдано ссуд только на 315163 рублей [34]. Промышленники: действительный статский советник Щукин, надворный советник Воронин, поручики Бенардаки и Малявинский, почетный гражданин Соловьев и купец Латкин, - объяснили, что пособием смогли воспользоваться немногие из-за того, что кое-кто вообще не знал об ассигновании финансовых средств, другие из-за ограниченности размеров ссуды. Если первый аргумент можно принять, безусловно, поскольку в условиях отсутствия связи и дальности расстояния многие предприниматели просто физически не могли заблаговременно снабдить своих управляющих доверенностями на получение ссуд, то второй можно считать сомнительным. В условиях, когда даже 60 копеек за золотник были средством расчета, говорить о низком размере ссуды было преждевременно.

11 апреля 1853 г. Комитет рассмотрел вопрос «Об отпуске 1 миллиона рублей серебром для ссуд золотопромышленникам в 1853 году» по представлению Министерства финансов, было решено: выделить на это 1 миллион рублей; выдавать ссуду в размере 1 рубля за каждый золотник, переданного в залог золота. Через год, после рассмотрения вопроса «О предоставлении ссуд золотопромышленникам» было решено, что, во-первых, эксперимент завершился, и дело перешло в плоскость постоянной реализации; во-вторых, был подтверждено увеличение размера ссуды; в-третьих, выделенная сумма осталась прежней, как и механизм выдачи; в-четвертых, четко были определены сроки выдачи ссуд - с 1 июня по 15 ноября.

В последующие годы вопрос о ссудах регулярно рассматривался на заседаниях Комитета. В 1853 г. было принято решение об увеличении размера ссуды с 1 до 3-х рублей за золотник, в 1857 г. разрешено Министерству финансов высылать в Алтайское

горное правление до 3 миллионов рублей и более, по мере надобности. Всего было выдано за 1853-1859 гг. более 24 миллионов 262 тысяч рублей [35]. Отметим, что половина этой суммы приходится на 1858-1859 гг. В 1859 г. размер ссуд уменьшился почти вдвое, по сравнению с предшествующими.

Как уже отмечалось Александр II, анализируя отчет Генерал-губернатора Восточной Сибири, обратил внимание на падение уровня добычи золота в 1858 г. на 45 пудов, он повелел Сибирскому Комитету совместно с Министерством финансов обсудить меры по увеличению добычи золота. Но чиновники убедили императора, что падение добычи явление временное, связано с засухой. Хотя падение добычи наблюдалось и в 1859 г.

Расширялся постоянно и круг тех органов, которые могли выдавать ссуды. Если в начале таким правом обладало только Алтайское горное правление, то в 1858 г. такое право получили приказы общественного призрения Иркутской и Енисейской губерний, что было вызвано отдаленностью приисков Восточной Сибири от Барнаула, задержкой расчетов с рабочими, которые, дожидаясь финансовых средств, скатывались до положения люмпенов, накаляли социальную обстановку. Местное начальство в целях стабилизации положения вынуждено было прибегать к заимствованию средств из местных источников. Следует отметить, что эта мера была половинчатой. Во-первых, размеры сумм были ограничены для Иркутского - 750 тысяч рублей, для Енисейского приказа - 500 тысяч рублей; во-вторых, ссуда производилась под залог в размере 1 рубля за золотник; в-третьих, ссуда выдавалась на шесть месяцев.

В 1862 г. Алтайский горный округ был открыт для частных золотопромышленников. Однако Кабинет не хотел отдавать им полностью право разработок, пытаясь получить дополнительный доход. По утвержденным 14 марта правилам о частной золотопромышленности в округе прииски, предоставляемые частным лицам, облагались в пользу Кабинета. Причем только те, которые открывались за счет частных владельцев, облагались обыкновенной податью, а те которые были получены от казны - двойной. Если же последние не разрабатывались - полуторною. Уже через год выяснилось, что ожидаемого дохода не получить. На двенадцати переданных приисках, на которых были проведены шурфовки, содержание золота было столь малым, что стала явно видна их бесперспек-

тивность. Поэтому 4 марта 1863 г. Комитет принял решение, утвержденное императором, о введении обыкновенной подати [36].

В целом можно считать, что попытки экономического стимулирования развития частной золотопромышленности не увенчались успехом. И дело здесь было не в отсутствии нужных средств, механизмов реализации. Золото в России не было товаром, его добыча, сбыт всегда находились под контролем государства, следовательно, экономические рычаги стимулирования не могли действовать с достаточной эффективностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выписка из журнала Сибирского Комитета 22 ноября 1852 года. – СПб., 1852. – С.4.
2. РГИА, ф.1265, оп.1, д.132, лл.46-46 об.
3. История Сибири. – Т.2. – Л., 1968. – С.97.
4. Россели Ф. Материалы, сведения о частном золотом промысле в России.-СПб.,1863.- С.9.
5. Подсчитано нами по: История Сибири...- С.97.
6. Ламин В.А. Золотой след Сибири. – Екатеринбург, 1997. – С.50.
7. Министерство финансов. 1802-1902. – Ч.1. – СПб., 1902. – С.377.
8. Подсчитано нами по: РГИА, ф.1265, оп.1, д.132, лл.42-45 об.
9. РГИА, ф.37, оп.77, д.644, л.127.
10. ПСЗРИ. – Собр-е -2. – Т.4. – №3033. – СПб., 1830. – С.531.
11. Там же. – Т.21. – №20101. – СПб., 1847.
12. Потанин Г.Н. Ближняя тайга // Живописная Россия. – Т.2. – СПб., 1914. С.308.
13. ПСЗРИ. – Собр-е 2. – Т.24. – №23176. – СПб., 1850.
14. Там же. – Т.26. – №№25141,25254,25417. – СПб., 1851.
15. РГИА, ф.1265, оп.13, д.11, л.62.
16. Там же, д.13, л.548.
17. Подсчитано нами по: РГИА, ф.1265, оп.13, д.13, лл.549-550.
18. РГИА, ф.1265, оп.13, д.13, л.543.
19. Подсчитано нами: РГИА, ф.1265, оп.13, д.15, лл.219-220; д.16, лл.231-233; д.17; л.234.
20. РГИА, ф.1265, оп.13; д.17, лл.230, 255-257.
21. Подсчитано нами по: РГИА, ф.1265, оп.13, д.16, лл.230-232; д.17, лл.233-234, д.18, лл.504-505, д.19, лл.326-327.
22. РГИА, ф.1265, оп.13, д.19, л.321.
23. Подсчитано нами по: Резун Д.Я. История предпринимательства в России с древнейших времен. – Кемерово, 2003. – С.40.
24. Бересневич И.П. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Томского горного округа. – СПб., 1912. – С.44.
25. РГИА, ф.37, оп.40, д.424, л.55.
26. ГАКО, ф.д-3, оп.1, д.2.3, 33.52, 98, 102, 139.
27. РГИА, ф.31; оп.77, д.644, л. 132.
28. РГИА, ф.1265, ф.1265. оп.13, д.11, л.66.
29. Там же, л.67
30. ГУТО ГА в г. Тобольске, ф.152, оп.47. д.36, л.301.
31. РГИА, ф.1265, оп.13, д.15, л.105.
32. Волчек В.А. Меры II Сибирского Комитета по развитию золотодобывающей промышленности в Сибири // Наука и образование.-Ч.2.- Белово, 2003.-С.57-67.
33. РГИА, ф.1265, оп.13, д.16, л.222.
34. РГИА, ф.1265, оп.13, д.12, л.56.
35. Подсчитано нами по: РГИА, ф.1265, оп.13, д.13, л.174, д.14, л.239, д.19, л.332.
36. РГИА, ф.1265, оп.13, д.22, лл.194-199.